

Игорь Иванович Стрелков
Максим Калашников
С кем будет воевать Россия?
Серия «Четвертая мировая»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17661227

*И. Стрелков. М. Калашников. С кем будет воевать Россия?: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2016
ISBN 978-5-906817-95-2*

Аннотация

Российская власть перешла красную черту. На фоне корчащейся, слабой, сырьевой экономики она влезает в войну на трех фронтах разом.

Зачем нам Сирия? И что будет с войной на Украине? Сможет ли выжить Новороссия?

На эти вопросы ответят известный футуролог Максим Калашников и прославленный командир Игорь Стрелков.

Это прогностика «ближнего прицела», которая посвящена узкой, но важной теме: с кем, как и с какими последствиями Россия будет воевать уже в ближайший год?

Содержание

Часть 1. Сирия за красной чертой	5
Странная война	5
Кто и как загнал РФ в Сирию?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Стрелков, Максим Калашников **С кем будет воевать Россия?**

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Часть 1. Сирия за красной чертой

Странная война

Максим Калашников: Добрый день, дорогие друзья! Сложившаяся вокруг Сирии и Новороссии ситуация, вообще новое положение Российской Федерации, требует коллективного размышления. И вот сегодня мы в студии «Рой-ТВ» решили устроить мозговой штурм или круглый стол, в котором участвуют наши дорогие гости: Игорь Иванович Стрелков, лидер движения «Новороссия».

Игорь Стрелков: Здравствуйте.

Максим Калашников: И Алексей Сороковой, начальник штаба движения «Новороссия».

Алексей Сороковой: Добрый день.

Максим Калашников: А также с нами, вполне зримо, на расстоянии участвует и знаменитый Эль Мюрид. Здравствуйте, Анатолий.

Эль Мюрид: Здравствуйте.

Максим Калашников: По Skype из Питера.

Ну что же, друзья мои, предлагаю обсудить возникшую ситуацию по нескольким главным темам. Итак, первый, наверное, главный вопрос, что дает Сирийская операция реально Российской Федерации? Чего она достигает? Соответствует ли она национальным интересам?

Вторая. Что это реально дает Крыму, Донбассу, Приднестровью – вот этим трем частям большой Новороссии, которая сейчас не под Киевом?

Третий вопрос. Достижимо ли заявленное европейское лидерство, перехват глобального лидерства в мире и достижение какой-то гегемонии России в этом вопросе?

Четвертый вопрос. Что же на самом деле, какие цели на самом деле преследует операция?

Друзья, ну что же, давайте попробуем высказаться по этому поводу.

Игорь Иванович, начнете?

Итак, первый вопрос, что это дает Российской Федерации, с точки зрения национальных интересов?

Игорь Стрелков: С точки зрения национальных интересов, пожалуй, что уже ничего. Операция в Сирии, на мой взгляд, крайне запоздала. Те силы, которые сейчас в ней задействованы, это где-то полусотенная группировка авиации, плюс около 2000 наемной пехоты – этими силами переломить ход военных действий невозможно. Невозможно даже в скольконибудь серьезной перспективе поддержать статус КВО. Но то, что можно было сделать этими силами 3 года назад, сейчас уже не сделать никак.

В перспективе, как я уже говорил, для того чтобы реально рассчитывать на какую-то победу, на перелом в Сирийской войне – необходимо сосредоточить полсотни тысяч военнослужащих, создать полноценную общевойсковую группировку, которая будет вести боевые действия высокой интенсивности, общевойсковые, наступательные, закрепляя территорию за собой, штурмуя укрепленные города и поселки боевиков, ведя боевые действия в горнолесистой местности, с соответствующими, естественно, потерями. Ну, а поскольку, у нас уже заявлено, что формат операции серьезно меняться не будет... Хотя, конечно, верить нашим политическим заявлениям наивно после последних событий, последних пары лет. Но, тем не менее, если исходить из того, что хотя бы частично говорится правда, то тот ограниченный характер, который сейчас имеет Российское военное вмешательство в Сирийскую

гражданскую войну – оно никакого долгосрочного результата не принесет. Соответственно, для России – это будет только напрасно пролитая русская кровь, которая сейчас уже льется, чтобы там не говорили наши штатные пропагандисты. Для России это будут огромные военные расходы, потому что расходы по хотя бы логистике, по обеспечению группировки всем необходимым – очень велики, чтобы там не говорили. Поскольку группировка в значительной степени снабжается по воздуху, да и по морю как-то далековато, мягко говоря. Ну а для более насущных, как я считаю, внешнеполитических задач и внутривнутриполитических, эта война только будет являться катализатором недовольства и внутри страны... Со временем естественно, сейчас пока пропаганда работает хорошо. И сделает позиции России на всех площадках, на внешнеполитических, более уязвимыми. Сделает Россию, может быть, более уязвимой и в военном отношении, на основном направлении противостояния с Западом на Украине. Ну, примерно так.

Максим Калашников: Понятно, Игорь Иванович. Мало того, я хочу добавить. На самом деле, мы говорили с Вами в одном из прошлых передач, что американцы могут, или хозяева Соединенных Штатов, нажать на перепускной клапан и перенацелить там потом боевиков, перенести боевые действия в Афганистан. И сейчас утором, сего 16 октября, уже было сообщение с утра, что Обама, предвыборным обещанием, задерживает вывод американской группировки из Афганистана, очень на это похоже. На самом деле, если в ответ на Сирию нам могу преподнести наступление исламского радикализма в южном подбрюшье нашем – Таджикистане. Это теперь уже становится практически, ну еще не свершившимся фактом, но очень и очень большой вероятностью.

Но я хочу передать слово Эль Мюриду. Анатолий, Ваша позиция по первому вопросу?

Эль Мюрид: Ну по Сирии, позиция очень проста. У любой войны должны быть внятные, понятные стратегические цели, то есть, чего мы хотим достичь в ходе ведения боевых действий. Только я понимаю, на сегодняшний момент, никаких внятных целей и задач у этой операции ни с военной, ни с политической точки зрения нет, естественно брать интересы России. Потому что, та война, которая сегодня идет в Сирии, она идет уже 4 года. И мы упустили все возможности для того чтобы эту войну прекратить на более ранних стадиях. Если вспомнить, у Асада была одна единственная критическая проблема – это полностью открытая граница. В начале войны он не обладал достаточными силами для того, чтобы решить одновременно две задачи – разбить боевиков внутри Сирии и закрыть границы. То есть, в этот момент, мы, безусловно, могли ему помочь тем, что ввести какие-то военно-политические силы, которые бы взяли на себя контроль над ситуацией в Сирии, а Асад занялся бы наиболее критической проблемой на тот момент – это границами. И я думаю, что где-то в течении года, полутора он тихо и спокойно, гораздо меньшими усилиями мог ситуацию, по крайней мере, стабилизировать. Но прошло 4 года. Ситуация в Сирии коренным образом изменилась. На сегодняшний момент помочь Асаду, на мой взгляд, уже невозможно. Вопрос с разделом Сирии, он уже не просто стоит, он неизбежен. Вопрос только заключается в том, на какие части будет Сирия разделена, кто эти части будет контролировать и т. д. Поэтому наше участие, конкретно сегодня, в этой не очень понятной операции, скорее всего, заключается только в том, что мы попытаемся каким-то образом за столбить за Асадом хотя бы какие-то небольшие территории, не более того.

Вся мишура словесная по поводу борьбы с Исламским Государством, она, безусловно, не имеет никакого смысла, тем более, что собственно с Исламским государством мы и не воюем. То есть, сегодня все авиационные удары, все наземные действия войск Асада, они направлены не против войск Исламского государства, а против прозападных террористических группировок.

Максим Калашников: Да. Самое интересное.

Эль Мюрид: Да. Я честно говоря, имею очень скептическое к этому отношение, потому что мы делаем все настолько поздно, что можно обсуждать только кратковременные локальные последствия.

Максим Калашников: Анатолий, а есть ли какие-то соображения. Например, распасться Сирия, так получается что Асад может сохранить свою власть в Алавицкой части – это побережье, а нефть там останется в руках ИГИЛ. Я не знаю, вот я смотрю на свой непросвещенный взгляд. Вы пробовали прикидывать?

Эль Мюрид: Ну, на самом деле нефти у Сирии очень мало. Она даже в самые лучшие свои дни добывала 400 000 баррелей в день. Для мирового рынка это очень немного, да и для Сирии на самом деле это очень немного. Плюс ко всему прочему, эти месторождения потихонечку истощались еще до войны. Поэтому сейчас, конечно же, они настолько разрушены, инфраструктура разрушена. Исламское государство добывает на сегодняшний момент не более 30 000 баррелей в сутки, на всех этих Сирийских и плюс еще арабских месторождениях. То есть, там все деградировало, все рухнуло уже в 19 век. Я не думаю, что будет как-то лучше.

Поэтому вопрос нефти, он для Сирии на самом деле, на сегодняшний момент, совершенно не актуален. Сирия, она на самом деле обладает одним единственным очень важным значением – это перекресток. Это инфраструктурное значение, это так называемый – Сирийский Крест, то есть два основных пути с юга на север и с востока на запад. Как источник сырья, Сирия в общем-то, никакого значения не имеет.

Максим Калашников: И тогда уточняющий вопрос. Нам говорят о том, что Сирия это путь газопровода из Катара в Европу, соответственно в ту страну. Во-первых, насколько это реально? Ведь если Сирия превратится в котел, в хаос, в смуту, в территорию распада – кто же там построит такой газопровод? Или есть альтернативные пути газопровода в Европу?

Эль Мюрид: Нет, сейчас эту тему уже закрыли. Сам Катар закрыл, потому что, они рассчитывали, что Сирию они победят так же как и Ливию, в ходе короткой, пусть даже ожесточенной войны. После чего к власти придут хоть какие-то их марионетки. И тогда действительно, можно прокладывать этот газопровод, на относительно не разрушенной территории. Но сегодня это не актуально, потому что война, опять-таки, перешла на другой качественный уровень, что говорить о каких-то проектах, особенно такого масштаба уже не приходится.

Максим Калашников: Спасибо.

Эль Мюрид: Это уже можно забыть.

Максим Калашников: Спасибо Анатолий. Алексей, как Вы считаете? Что это может давать России с позиции ее национальных интересов.

Алексей Сороковой: Вы знаете, в Новороссии я занимаюсь гуманитарным направлением, в первую очередь. И в свете этого, часто общаюсь с нашими региональными представителями по внутренней ситуации, по ситуации внутри страны. Я наблюдаю, что теряется акцент, который раньше присутствовал на Новороссийских событиях. Это акцент очень сильно и мощно основные СМИ перенесли на Сирийские события. По внутреннему направлению получается, что Сирия для нас имеет какое-то первостепенное...

Михаил Калашников: Сакральное.

Алексей Соколов: Огромное значение. И это очень здорово вдалбливается в головы всего населения страны. С точки зрения же национальной безопасности нашей, если опять-таки, обсуждать то, что выборы в следующем году будут происходить и то, что сейчас эта предвыборная машина уже начинает потихонечку свои обороты набирать – то Сирийская ситуация, она очень здорово отвлекает внимание от каких-то ошибок и просчетов нашего ближнего круга, как минимум властного в предыдущую часть нашей жизни, когда были

события вокруг Новороссии последних пары лет, может быть последнего года, когда были самые жаркие события в Новороссии.

С точки зрения внешнеполитической по Сирийскому вопросу, ну опять–таки, в связи с тем, что я очень много общаюсь с нашими коллегами и неравнодушными гражданами, то я том числе получаю и некоторые советы, иногда смешные. Ну, например, совет связанный с тем, что Сирии сейчас нужно немедленно начинать мирные переговоры с Израилем, с последующей сдачей в аренду Голландских высот. Так чтобы Израиль, как минимум перестал играть на стороне наших партнеров из-за океана, а просто встал в какую-то нейтральную позицию. Такой вот взгляд из глубинки, что называется на ситуацию.

Мне, как человеку более гуманитарному, кажется когда мы не решили проблему здесь в стране, в России, вопросы Сирийские, наверное, интересные, но они не находятся на первом месте.

Максим Калашников: Да, к сожалению, я тоже должен констатировать, что этот накал который был, тот же Лайф Ньюс летом того года, сейчас повторяется в Сирийском варианте. С большой горечью должен констатировать, что с 91-го года разделение русских дало о себе знать. Нынешних Россиян очень легко удалось убедить, что сирийские арабы, алавиты, назовите их как хотите, они ближе, чем русские для нас. Это страшно на самом деле. То есть, чувство национального единства утрачено, это своего рода экзамен для нас.

Алексей Сороковой: Но с другой стороны, если опять–таки, рассматривать ситуацию, игра идет на мой взгляд... Мы уже взрослые мальчики, у нас есть воспоминания о Советском интернационализме, когда в общем-то мы были готовы снять последнюю рубашку и порвать любого угнетенного и обиженного в мире. На этих чувствах очень здорово играют наши официальные СМИ. И действительно народ с кем я общаюсь готов и за Сирию заступиться, за тех кто ее обижает. Готов и понимает, что, в общем-то, есть угроза и со стороны Исламского государства, которое может здорово с юга прийти на наши территории.

Максим Калашников: Теоретически.

Алексей Сороковой: Да, теоретически. Ну и на территории стран СНГ, которые находят с юга от России. На этом здорово пиарятся и здорово отвлекаются от жизни нашей.

Максим Калашников: Да, Игорь Иванович, Вы хотели добавить?

Игорь Стрелков: Хотел просто сказать, что самым, конечно, крупным специалистом по Сирийской тематике является, Анатолий. Я должен с ним во всем солидаризироваться. Абсолютно с ним согласен, с тем что именно в данной ситуации... Еще раз повторю, что уже говорил в прошлый раз, когда мы с Вами общались, именно в данной ситуации и данными силами наше вхождение в войну в Сирии, является авантюрой, граничащей с маразмом. Я вынужден это повторить, не смотря на то, что уже выслушал очень много критики по этому поводу, вплоть до измены Родине в особо крупных размерах. Ну извините, изменять Родине и критиковать те действия, которые являются на мой взгляд самоубийственными для страны – это немножко разные вещи.

Максим Калашников: Ну мы можем сказать, что мы не изменяем нашей родине. Не Сирия наша родина великая, а Россия.

Игорь Стрелков: Наша родина не Сирия, наша родина Россия. И первую очередь мы должны заботиться о интересах России, а не об интересах Сирии. Повторяю, ничего не имею против Асада, ничего не имею против Сирийской арабской республики и ее армии. В целом они воюют против нашего общего врага. Но для России этот враг не является первоочередным и угроза со стороны ИГИЛ не является первоочередной. А вот последствия, которые могут наступить для России в результате незаконченного противостояния с Соединенными Штатами в Украине и одновременного влезания в гражданскую войну в Сирии, где уже все согласны – мы не можем победить не имеющими силами и средствами, ни даже большими. Это я считаю – граничит с преступлением. Поскольку результат все равно один. Это грозит

крупнейшим военно-политическим поражением, одним из крупнейших военно-политических поражений.

Максим Калашников: Я могу добавить, Игорь Иванович и друзья мои, то что в общем сейчас операция начата в Сирии... Я смотрю с позиции сторонника индустриализации и как экономист-любитель, я проработал экономическим обозревателем Центральной газеты 7 лет. Что ни одна проблема сейчас, ни создание источника длинных денег, ни проведение индустриализации, ни преодоление кризиса с регионами бюджета, которые могут разориться, ни проблемы бюджетного дефицита, ни демографическую проблему, ни проблему нехватки инженеров, ни проблему нехватки станков – ничего из этих проблем столько для нас насущных, операция в Сирии не решает. Наоборот, первое лицо занято внешней политикой как Горбачев. Туда все силы уходят, а экономика бросается на произвол судьбы системных либералов.

Игорь Стрелков: Так что, Максим, делаем вывод, что мы видим очередной симулятор?

Максим Калашников: Да.

Игорь Стрелков: Очень кровавый.

Максим Калашников: К сожалению, да. Причем, еще более бессмысленный, чем Афганистан. У Афганистана была хоть какая-то тень смысла, а здесь получается, что это чистой воды театральная война. Или шоу-война.

Игорь Стрелков: Но на этой войне погибают люди.

Максим Калашников: И вполне прилично.

Игорь Стрелков: Люди – граждане России. Они действительно там погибают, не смотря на весь пиар, все съемки с беспилотников – гибнут люди реально. И расходуется экономический потенциал. Это очень дорогой ()

Максим Калашников: Игорь Иванович, мы специально посчитали тонны керосина, фрахт, прочее. В принципе затраты около 3 000 000 000 долларов, будет даже если там введут еще.

Игорь Стрелков: За сколько?

Максим Калашников: В год. Это не очень серьезно.

Игорь Стрелков: Ну как Вам сказать?

Давайте еще обязательно остановимся на одном вопросе. У нас Олимпиада обошлась во сколько?

Максим Калашников: В 50 000 000 000 сейчас.

Игорь Стрелков: У нас обошлась она дороже, чем первая проектная смета.

Максим Калашников: По-моему, в 4 раза. По некоторым объектам я знаю, что до 8. Я в среднем беру.

Игорь Стрелков: Воруют у нас так, что даже Олимпиада. Поэтому, Ваши расчеты 3 000 000 000, надо смело умножать на 4. Плюс еще, наверняка, не все туда входит. Пусть даже зарплаты тем же самым наемникам, которых сейчас активно называют добровольцами, которые туда едут или которые уже там находятся.

Максим Калашников: Ну я считаю, что Американцы, в свою время, они считали несказанной удачей, что они втравили СССР в войну в Афганистане и довели его затраты до 3 000 000 000 долларов. Но это тех, 80-х годов. Это надо увеличивать. Был доллар другой. Это примерно 3 нынешних. Они радовались по этому поводу. Ну и Россия сейчас более хилая, безусловно. И я хочу сказать, что 3 000 000 000 долларов сейчас с нефтяников пытаются содрать дополнительными налогами, вызывая недовольство в отрасли. Уже Сечин грозит тем, что будет падение добычи в отрасли. Как раз те самые 3 000 000 000 долларов в год.

Но, друзья мои, давайте перейдет ко второй части нашей дискуссии. А что означает операция в Сирии для Новороссии. Вот сейчас только 3 части Новороссии не оккупированы

Украиной. Это Приднестровье, это Крым – Крым часть Новороссии, как не крути и Донецкий кряж – ЛНР, ДНР. Что это даст?

Игорь Стрелков: Давайте, Анатолий выскажется, я думаю.

Максим Калашников: Думаю, да. Анатолий, попросим высказаться Вас первым.

Эль Мюрид: Ну, современный бывший Советский Союз перед современной Россией, как бы к нему не относится, имеет одно очень важное преимущество. Которое проявляется на сегодняшний момент именно ситуацией в Новороссии, в Сирии, и скорее всего, будет и в Центральной Азии проявляться. Потому что на сегодняшний момент Путин уже сказал о том, что нас ждут неприятности в Центральной Азии. У Советского Союза была идея, была модель, он каким-то образом, но пытался выстрелить впереди себя. И предлагал в качестве некоего конкурирующего проекта конкурирующего с Западом. Сегодня Россия не может выставить такой проект не перед кем. Поэтому в Новороссии... Что мы можем предложить Донбассу? Такую же олигархическую власть, которая была при Киеве. В Сирии мы тоже ничего не можем предложить, потому что мы можем предложить против идеи Ислама? Против идеи этого ваххабистского ислама, который сегодня заполонил весь ближний Восток? Мы тоже ничего не можем им предложить, потому что для ближнего Востока, мы такие же Крестonosцы как и Запад, с которым они пытаются воевать. Поэтому основная проблема заключается в том, что мы не можем людям предложить ничего. Поэтому они не очень понимают, что именно они будут строить – и в Новороссии, да и в Крыму тоже, я так понимаю, не очень все хорошо. Ностальгия по украинским временам там потихонечку уже начинает появляться. Особенно на фоне того, что Крыму обрезают финансирование, это сегодня было сказано.

Поэтому война в Сирии, она конечно же полностью отвлекает внимание от Новороссии. Скорее всего война в Сирии и является прикрытием проекта «Новороссия».

Максим Калашников: Хорошее выражение. Спасибо. Прикрытие, закрытие, Анатолий. Великолепно.

Эль Мюрид: Да, да, да. Это медийная война. Она, безусловно, необходима Путину, необходима тем людям, которые отвечают за Донбасс. Просто прикрыть эту тему, для того чтобы переключить внимание людей в телевизоре от одной горячей темы, от которой все уже устали на какую-то другую. Сегодня это Сирия, завтра, возможно, это будут теракты, завтра еще более возможно, это будут события в Средней Азии. Новороссию уже прочно забыли и что там будет происходить, уже мало кого волнует.

Я думаю, как раз у Игоря Ивановича гораздо больше информации, что происходит сейчас там в Донецке, в Луганске. Насколько я понимаю, ситуация очень безрадостная. Фактически, действительно идет такая предпродажная подготовка. В каком виде будет осуществляться сдача, это еще большой вопрос. Есть разные варианты, хотя, конечно, коридор решения очень узкий. То, что Донбасс отдадут Украине, я думаю, нет смысла обсуждать.

Максим Калашников: Анатолий, Греф очень интересно высказался, примерно полтора месяца назад. Он сказал: «Первое лицо аккуратно сливает Донбасс, тоненькой струечкой».

Эль Мюрид: Еще год назад высказался.

Максим Калашников: Еще год назад. Ну, у меня отложилось в памяти. И действительно, не смотря на все это переключение внимания... Ведь получается что? Приднестровье, где 180 000 граждан Российской Федерации с паспортами, они сейчас в блокаде, в ужасном положении. Сейчас социальная система Приднестровья держится на каких-то импульсах из Москвы, подачках.

Эль Мюрид: Но Вы же заметили, что про Приднестровье в Российских СМИ нет ни слова. А раз чего-то нет в телевизоре, значит этого не существует вообще в природе. Логика здесь очень проста. Да, в Приднестровье ситуация очень тяжелая. Об этом не говорят, значит, этого не существует.

Максим Калашников: Я хочу обратить особое внимание наших телезрителей на то, что Сирийская операция, например, не решает проблемы водоснабжения Крыма пресной водой. Обратите внимание, идут переговоры по газу, но в этот пакет не включается доставка воды по Северо-Крымскому каналу. Все, ничего об этом не говорится. Нас совершенно увели прочь от вопроса о том что будет с экономикой ДНР, Донецкого края, как она будет выживать? Все. Наше внимание полностью пытаются переключить на Сирию. Это тоже о многом очень говорит. Игорь Иванович, как Вы считаете?

Игорь Стрелков: Я считаю, что Анатолий абсолютно прав, как это профессиональным языком. Отвлечение внимания на негодный объект, в данном случае Сирия, действительно как декорация, призванная прикрыть нашу позорную сдачу ЛНР, ДНР. Которая может быть действительно, опять же, как я указал, проходить в двух вариантах. Ситуация мирной сдачи, то есть передача границы и последующая зачистка ЛНР, ДНР Украинскими силами, при полном молчании Российских СМИ. Либо, что мне кажется все-таки, более вероятным вариантом, шансы на это постоянно возрастают – атака Украинских войск, украинской группировкой. Потому что в отличии от откровенно лгущих Российских СМИ – Украинская сторона не только не отводит вооружение с линии фронта, но и не собирается этого делать.

Максим Калашников: Мало того, она плюет на выполнение Минских соглашений.

Игорь Стрелков: Минские соглашения соблюдаются, вернее пытаются соблюдать только Россия и ЛНД, ДНР. Украина никогда не соблюдала никакие Минские соглашения. Она не одного пункта до сих пор не выполнила и даже не приступила к выполнению. Украинская группировка на данный момент сохраняет полную боеготовность, демобилизация если и происходит, то с немедленной заменой. Сейчас нет очередной волны мобилизации, но ползучая мобилизация она все равно проходит. То есть, без широкоформатных компаний, они набирают людей для замены демобилизованных. То есть, сохраняя численность подразделений. Постоянно идет переброска новых резервов к линии фронта – артиллерии, танков, бронетехники. Продолжается массивный ремонт военной техники. То есть, продолжают все мобилизационные мероприятия, которые говорят о том, что Украина продолжает готовиться к большой войне.

Максим Калашников: Они их для посевной компании, естественно.

Игорь Стрелков: И на этом фоне явно деградирует с каждым месяцем все больше, так называемая регулярная армия ЛДНР. Сокращается численно, оттуда вымываются идейные кадры, добровольцы. Оттуда вымываются местные ополченцы идейные, которые не видят смысла для себя служить в этой армии, которая не воюет, не может защитить население от обстрелов и которая не может обеспечить ни самих бойцов, ни их семьи даже минимумом материальных ресурсов, которые необходимы для выживания. Деградирует практически вся инфраструктура этой армии. Гигантская зашкаливающая коррупция, огромное количество мертвых душ в войсках. То есть, в некоторых подразделениях и частях две трети личного состава – это мертвые души. То есть, они есть на бумагах, но отсутствуют физически. Боевая подготовка зависит фактически только от командиров, где-то она ведется, где-то не ведется. Но в целом, фактически 5-кратно на фронте силы ЛДНР уступают украинской группировке.

Тут еще просто я подчеркну, что так получилось, каким-то странным образом, что ко мне по прежнему приезжают люди – командиры, рядовые бойцы. Я знаю обстановку почти по всем подразделениям, по всей линии фронта. Реальную обстановку. Я знаю, где есть боеспособные подразделения, какие участки более менее прикрыты. На каких участках 1,5 человека на километр. На каких участках украинские подразделения продолжают продвигаться вперед тихой сапой. Например, в районе (32:14), они недавно продвинулись на 2 километра. Просто заняв, не понятно по какой причине оставленные позиции ополчения, в районе Красного Пахаря. Украинские войска постоянно занимают все новые позиции,

фактически отрезая подразделения ополчения друг от друга, поскольку ополчение по своей убогой численности не способно держать сплошной фронт.

Максим Калашников: Два корпуса нам говорят. На самом деле это едва полторы дивизии.

Игорь Стрелков: Я читаю в наших СМИ цифру 50 тысячи человек, что это составляет два корпуса. Но реально на фронте и 10 тысяч нету. То есть, где я так понимаю, что как минимум половина из этих 50 000 – это мертвые души, а из оставшихся это тыловой персонал и охранники казино и ночных клубов, которые с пулеметами сейчас охраняют собственность Ахметова, собственность Захарченко, Плотницкого, кого еще кто там. Много там разных деятелей сейчас.

То есть, фактически мы имеем (32:17) армии, как уже говорили. И рассчитывать на то, что в случае, очень слабо мотивированные морально, в наступлении очень слабо мотивированные морально, но организованные и обученные украинской армии, эти симулякры удержаться – по крайней мере наивно.

Поэтому с каждым месяцем все более возрастает вероятность варианта Сербской Краины, когда за три дня хорватская армия зачистила непокорную территорию. Правда с меньшим населением, но по территории примерно такую же.

Максим Калашников: Получается, что Киеву сейчас достаточно, яблочко само дозревает надо подождать, когда оно созреет и упадет. Когда Российская Федерация завяжет в Сирии и дай Бог, еще в Таджикистане, все – удар и ринулись частя. Причем я читаю в серьезном журнале, я не буду называть какой: «Ура, Москва нашла решения с проблемой ЛДНР. Она экономически будет жить, так чтобы она вела через Киев свои дела. Но Киев не хочет и пока никто не знает как». А как же без экономики жить? Как эту проблему преодолеть?

Но я хочу передать слово Алексею. С Вашей точки зрения, что дает нам Новороссия?

Алексей Сороковой: Просто с моей точки зрения, я вижу это на практике. И то, что Игорь Иванович говорил о наличии большого количества мертвых душ, на которые видимо по документам существует и довольствие, и амуниция, и какие-то другие расходы у официальных военных властей ЛДНР. Помимо этих мертвых душ, существует еще некоторое количество живых душ, на которых просто ничего не приходит: ни довольствия, ни одежда. Учитывая те запросы, заявки которые приходят к нам иногда – диву даешься, а чем же они тогда воюют? То есть, у них остаются в ассортименте, наверное, палки, какие-то хозяйственные предметы типа лопат, потому что все: и одежду, и средства личной защиты. Вооружением мы не можем каким-то образом им помочь, поскольку все-таки это отдельное самостоятельное государство, но элементарные средства защиты, как каска или бронежилет, отсутствующие у...

Игорь Стрелков: Да обуви не хватает. Питания не хватает.

Алексей Сороковой: Обуви не хватает, питания не хватает.

Игорь Стрелков: На позициях люди зачастую голодают.

Алексей Сороковой: Подразделения занимающиеся беспилотной разведкой, сообщают о том, что, не буду говорить какого полка, не нужно это. Сообщают, что мы все время находимся впереди, мы же запускаем вот эти беспилотники, поэтому, когда мы возвращаемся в свое расположение, а нам ничего не достается. Вы нам дайте чего-нибудь и машину, чтобы мы могли...

Максим Калашников: Господи, это реалии монгольской армии.

Алексей Сороковой: Вот.

Максим Калашников: Биафра какая-то из Конго пополам.

Алексей Сороковой: Вот, и самое главное...

Максим Калашников: То есть, там снабжение не наладили.

Алексей Сороковой: Да. Снабжения нет. Всем чем можем, той же самой обувью, теми же самыми продуктами питания, мы пытаемся в меру наших сил.

Другой еще момент, помимо того, что там всего этого не хватает и мы пытаемся каким-то образом им помогать и поставлять из России. Эффект отвлечения внимания приводит к тому что многие наши благотворители говорят: «А зачем? Там же все наладилось. Там же все хорошо. Сейчас в Сирии проблемы, а в Новороссии, в общем, плюс – минус – нормально».

Максим Калашников: Дозревание.

Алексей Сороковой: Вот. Понимаете? А с точки зрения практики, с точки зрения вопроса вашего по поводу того, каким образом там налаживается или не налаживается экономическая ситуация. Боевые командиры, не равнодушные к ситуации попадают там «на подвал», что называется. По надуманным предлогом пытаются арестовать, а когда им удается оттуда уйти, они переходят в Россию, начинают заниматься обычным своим гражданским бизнесом, кто чем занимался до войны. И в общем-то понимают, что обратно то им деваться некуда. То есть, бизнес уже налаживается здесь, для того чтобы деньги, которые они заработают здесь, на этом бизнесе вложить в свое подразделение, чтобы его накормить, одеть, обусть.

Максим Калашников: Но чудес не бывает. Так невозможно содержать армию.

Алексей Сороковой: Безусловно, да.

Максим Калашников: И уже началась фактически компания по заманиванию добровольцев. Некие частные военные компании.

Игорь Стрелков: Да, на это я хотел обратить внимание. Действительно идет компания на Донбассе, по вербовке добровольцев в Сирию. Добровольцы это красиво сказано. Идет речь о вербовке наемников. То есть, людям обещают суммы, в зависимости от уровня подготовки в частных военных компаний, в которые они попадают – максимальный тариф 200 000 рублей в месяц, минимальный 120 000 рублей. Где-то называют цифру – 150 000 плюс страховки, соответственно. Ну я это уже озвучиваю, еще раз повторю, страховки в случае смерти, в некоторых там 3 000 000 рублей.

Максим Калашников: Сейчас по Бизнес-ФМ, Игорь Иванович, сказали, что от 70 до 150 000 в Донбассе уже.

Игорь Стрелков: Вот видите, уже от 70 до 150 000. Учитывая, что в тех подразделениях платят положенную зарплату, она составляет для рядового бойца или сержанта в районе 15 000 рублей. То, конечно, для голодающего фактически Донбасса суммы даже 70 000 рублей, тем более 120 000 представляются просто, не говоря уже о 200 000, представляются за пределами. А 3 000 000 страховка, кому-то кажется достойной обеспечения семьи в случае гибели кормильца. Учитывая, что этой страховки в ЛДНР не платят вообще.

Максим Калашников: Люди в ужасном положении, деваться некуда. Россия не признает, работы нет. Они в шахидов превращаются. Им кажется 3 000 000 рублей – это...

Игорь Стрелков: Люди едут проливать русскую кровь за сирийцев и они туда действительно едут. И там действительно уже погибают. Хотя я сейчас не обладаю доступом к какой-то секретной информации. Все равно не буду озвучивать некие цифры, которые у меня есть о потерях. А они есть. Серьезные. Война там очень серьезная, тяжелая в Сирии. Намного по потерям больше чем в Донбассе. Там вся наша авиация бомбит, но на земле происходят контактные ближние бои, где уровень подготовки не влияет, а влияет тупо количество пехоты, вооруженное автоматами. Когда находишься в одной комнате с противником, не важно кто ты, ополченец или спецназовец, на уровне комнаты все стреляют одинаково. Соответственно, уровень подготовки на потери мало влияет.

Возвращаясь к тому, что фактически наиболее обученные, наиболее подготовленные люди, высасываются из Донбасса в пользу Сирии. Что еще больше ослабляет армию ЛДНР. Что еще больше увеличивает шансы украинской армии на наступление.

Максим Калашников: Возникает экспресс вопрос. Я хочу его тоже всем адресовать. Прежде всего, начну с Игоря Ивановича. В случае, если все пойдет по такому сценарию, когда ЛДНР будут сняты в результате, да? Киев дождется, а Крым-то что ждет? Вот реально организовать диверсионную войну в Крыму. Ведь невозможно все побережье прикрыть этим слабым флотом: моторные лодки, чего угодно можно.

Игорь Стрелков: Ну какие, зачем здесь побережье? Мы все-таки не воюем в условиях Второй Мировой Войны, где немцы целую кучу румынских дивизий ставили на охрану побережья. Сначала мы, потом немцы ставили не очень боеспособные, не очень надежные, но хотя бы части для охраны побережья, для береговой обороны. Сейчас речь об этом не идет. Граница с Украиной в принципе открыта, войны у нас не объявлено. У нас свободно может любой человек пересечь любую границу. Может он заехать и с территории через Крымский перешеек, и территории России. Любой гражданин Украины может приехать в Крым, без каких либо проблем.

Дальше. В Крыму сосредоточено большое количество крымских татар, среди которых значительное влияние имеют те же самые салафиты, которые ведут войну в Сирии. Салафитское движение в Крыму, оно при Украине развивалось достаточно активно.

Максим Калашников: И Турция, кстати говоря... *Игорь Стрелков:* То есть при случае поражения на Донбассе... Ведь поражение на Донбассе, оно будет воспринято, как поражение именно России. И в том числе оно будет воспринято на Украине крымскими татарами, населением Крыма, которое гораздо ближе к Донбассу, чем благополучная Москва. И всем абсолютно станет ясно, что Россия терпит поражение, что Россия в перспективе может сдать Крым. И все сейчас тихо сидящие подрывные элементы подымут голову. То есть, у них появится перспектива, они убедятся, что Россию можно бить. Что Россия слаба, что Россия непоследовательна. Думаю что сейчас, нынешнее спокойствие в Крыму, очень быстро начнет размываться. А перебросить контрабандой, тем более что контрабанда на перешейках мощнейшая, ничего не изменилось с приходом Российских пограничников, таможенников. Хотя бы потому что там те же украинские кадры работают. Они никуда не делись. Можно перебросить все что угодно. Вот если бы у меня стояла задача, что-нибудь перебросить в Крым, я вам честно скажу, я бы туда перебросил все что угодно. Причем, особо не напрягаясь.

Максим Калашников: Да. И надо добавить, что...

Игорь Стрелков: Причем, перебросил бы скорее всего, через территорию России.

Максим Калашников: Если учитывать нынешнее состояние отношений с Турцией, что Турция сразу же вспомнит проект Крымского ханства. Она уже это не скрывает.

Игорь Стрелков: Поражение на Донбассе однозначно вызовет продолжение. Как костяшка домино, оно опрокинет следующую костяшку, это будет Крым и Приднестровье. Победив на Донбассе Украина не остановится, она начнет отвоевывать Крым, что она и не скрывает.

Максим Калашников: Анатолий, Вы не хотите добавить по возможности. Вот Крымского продолжения кризиса в Крыму, если такое случится с падением Донецкого края?

Эль Мюрид: Ну и (44:12) и Запад, они ведь четко сказали, что вопрос с Крымом для них вопросом не является. То есть, они все равно будут его возвращать обратно. Поэтому здесь вопрос заключается только в том, по какому сценарию они будут пытаться это сделать. На самом деле, в общем-то, если соединить все что существует, то вырисовывается только два сценария. Первый сценарий – военный и скорее всего через исламистское восстание, которое будет выдано за восстание угнетенного народа против оккупантов. И сценарий второй, это дожидаться пока в России не произойдет смена власти тем или иным путем. И новая власть сама отдаст Крым Украине. Возможно сначала через какое-то совместное управление, затем через референдум, затем Крым опять вернется Украине. То есть, два таких сценария,

военный и политический, безусловно остаются. И в том случае, если Россия будет продолжать терпеть поражения везде где только возможно, то безусловно, Крым мы не удержим. Это однозначно.

Максим Калашников: Я тоже как житель Новороссии, которые вырос в общем в этих местах, могу сказать в руках Украины, враждебной сейчас уже, бандеризованной, не до войны в Донбассе Украины, этот очаг, (45:49) база очень хорошая, мощь северного флота Турции, северный флот Турции черноморский флот, а у них есть еще возможность со Средиземного, совокупная мощь флота где-то в 4 раза больше остатков Черноморского Российской Федерации. Фактически флотилия. И если Игорь Иванович говорит о контрабанде через перешейки, я например вижу, все побережье Крыма нельзя, там вполне возможно высаживать из катеров, допустим из партии снабжения, партии диверсантов среди крымских татар. О том что существует соответствующие группировки протурецкие, способные вступить в бой, я знаю, еще со сводок разведотдела черноморского флота конца 90-х и никуда все это не давалось. Так что на самом деле... И соответственно в Крыму позиции размягчены, а пришедшие Московские наместники, они уже действительно вызывают так раздражение по сбору подписей (48:47) это видно. С Севастополем, Кластер там строится не начинается, там идет скандал за скандалом. Размягчение тылов. Я занял время. Алексей Иванович, Вы хотите что-то по Крыму добавить?

Алексей Сороковой: Маленькая добавка, состоящая в том, что по моему опыту, если у меня в Крыму пару сотрудников, которые там работают и работали еще когда Крым был Украинский и потом они работали, когда Крым стал Российским, работают сейчас. Их точки зрения – цены у нас поднялись до Московских, а зарплаты у нас отстают и очень сильно. Поэтому, эта бытовая часть, которая вызывает недовольство. А где недовольство, там возможны в дальнейшем какие-то симпатии к нашим друзьям.

Игорь Стрелков: Я не думаю, что речь идет о симпатиях. Вряд ли люди хотят обратно в Украину. Я думаю, что на многие годы растянется процесс. Не думаю, что очень сильная ностальгия по Украине.

Максим Калашников: Скорее деморализация некоторая.

Игорь Стрелков: Скорее, население, которое раньше было активно за Россию, оно сейчас станет пассивным. И в этой ситуации именно активные подрывные элементы будут чувствовать себя намного более комфортно, нежели во враждебной среде.

Ведь почему состоялся переход Крыма под Российскую юрисдикцию, почему он прошел так гладко? Именно потому что те, кто был против, они чувствовали себя изгоями. Они чувствовали себя диссидентами. Общество в целом Крымское было «за» вхождение в Россию. Когда общество станет пассивным, когда ему будет все равно, что воля, что неволя, все едино, они наверняка активизируются и будут чувствовать себя намного лучше.

Максим Калашников: Да, согласен с Вами, Игорь Иванович. Согласен. Нельзя на одних пенсионерах строить поддержку, когда активное население начинает терять. Моряки Крымские, которые не могут теперь наняться на зарубежные суда, поскольку они их формально считают гражданами Украины. Крым никто не признает, вхождение в состав торгового флота нет, это сказывается.

Но мы перейдем к следующей теме нашего круглого стола. Нам сказали, ладно мы пожертвуем Приднестровьем, Донбасс на фига нам нужен? Шахтеры поганые, которые не русские, оказывается украинские – на фига нам все это? Нам Крыма хватит. Столько затрат. Зато мы участники в Сирийской экспедиции или операции перехватим некое мировое лидерство, сломаем глобальную гегемонию США и станем Европейским гегемоном освободителем. И вот мне, друзья мои, тоже кажется странным, а какие проблемы может решить Сирийская экспедиция. Мировым эмиссионным центром, сравнимым с долларом, или с евро Брюссельским, Российская Федерация не является. У нее источника (49:45) нет. Что может

быть мировым лидерством? Технологическое лидерство? Оно утрачивается на глазах, было утрачено. Какое-то цивилизационное лидерство? Кому нужны такие выборы, с которыми мы все столкнулись. Суды Басманно–Шемякины. Что может дать лидерство? Эта Сирийская может дать чудо мирового лидерства.

Прошу высказываться. Игорь Иванович, начнем с Вас.

Игорь Стрелков: По-моему даже нет особого смысла обсуждать заявление наших средств массовой информации и отдельных чиновников среднего и околосреднего звена, которые такие идеи высказывают. Это просто пиар, не более того. Опять же видимость, кулиса какая-то, которая прикрывает истинные цели операции. Здесь говорить о каком-то мировом лидерстве России из-за того, что она перебросила 50 самолетов в Сирию. Соединенные Штаты до недавнего времени, как опять же, Анатолий отмечал в своих статьях держали там авианосную группировку. Который один авианосец больше по количеству самолетов, большее значение имел. Не говоря уже о военных авиабазах сухопутных, которые были у Соединенных Штатов в Афганистане и Ираке. Это просто пиар, откровенный, не имеющий никакого основания под собой. То же самое касается постоянных заявлений и намеков, что Россия перетянет Европу под себя, вытащит ее из под Соединенных Штатов. Ну полная глупость. Соединенные Штаты настолько прочно держат Европу в своих руках, что Европа марширует к своему светлому концу семимильными шагами и с постоянным ускорением. Та же самая мигрантская проблематика, то же самое участие Европы в разгроме Ливии, Сирии. То есть, Европа сама породила свои проблемы и продолжает их усугублять.

Максим Калашников: Победа в Сирии никоим образом не разорвет зависимость европейской элиты от хозяев США.

Игорь Стрелков: Президент Франции как обычный американский агент, Франсуа Олланд, он стал президентом только благодаря тому что его наиболее вероятному сопернику, имевшему намного больше шансов чем он Стросс-Кану, устроили откровенную провокацию в Соединенных Штатах. Грубый...

Максим Калашников: С горничной напомним.

Игорь Стрелков: Которая потом, естественно, не подтвердилась. Но как в старом анекдоте – ложечки нашлись, но осадочек остался. Стросс-Канн оказался полностью удален с политического поля Франции, из электорального поля. Его место занял Олланд, который своим местом обязан Соединенным Штатам. Естественно, он выполняет все распоряжения Соединенных Штатов.

Максим Калашников: Если состоится некая победа в Сирии, мы не ждем, что Олланд прослезится, раскается, порвет...

Игорь Стрелков: Во-первых, победы в Сирии не будет. Даже теоретически, не будет ее. Мы можем не обсуждать эту тему. Победы в Сирии просто не будет. Как факт. Вот. Просто, возвращаясь, вторая крупнейшая страна Европы – Германия. Меркель дама, о которой уже открыто известно о ее сотрудничестве со спецслужбами. Бывшая ГДР–овская комсомолка, которую наверняка вели, после того как на нее собрали необходимый компромат, она тоже полностью идет в русле действий Соединенных Штатов и на йоту, ни шаг, ни на пол шага не отходит от основного курса. Великобритания, которую еще в Советское время называли «Непотопляемым авианосцем США», она такой и осталась. Кемерон, он полностью за англосаксонское трансатлантическое сотрудничество. Нет даже никаких малейших предпосылок для того, чтобы Европа, европейские элиты могли рассматривать Россию, как альтернативу Соединенным Штатам Америки. Нету. Объективно Европе выгодно сотрудничество с Россией. Если исходить из того, что у Европы есть свои национальные интересы. Но Европейская элита несколько не озадачена национальными интересами Европы. Вообще. Национальными интересами своих стран. Это тоже, в какой-то степени, оккупационная элита,

которая замыкается на мировой центр управления, который сейчас сосредоточен в Соединенных Штатах.

Максим Калашников: Я засмеялся, потому что представил себе Кемерона, который пишет заявление с просьбой войти в состав Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации. Или принять Полтавченко постпредом.

Игорь Стрелков: Давайте Анатолия выслушаем, он всегда...

Максим Калашников: А я хочу передать слово естественно, Анатолию. Я хочу напомнить, что действительно, главный торговый партнер Европы – Соединенные Штаты, по объему торговли. Российская Федерация, по-моему, всего лишь 10 %.

Игорь Стрелков: Газ.

Максим Калашников: Понятно, что здесь еще и объективно, никакая Россия не изменит пока соотношение. Российская Федерация своих станков роботов пока не может предложить Европе. Советский Союз, кстати, мог – космические корабли, легкие космоланы предлагали совместно разрабатывать и так далее.

Но, Анатолий, я прошу Вас высказаться. Действительно, что насчет перспективы?

Эль Мюрид: Наша проблема, она заключается не в Сирии, не в Соединенных Штатах, даже не Исламском государстве. Она заключается в том, что в экономическом отношении, мы безусловно не просто слабы, а продолжаем слабеть. И поэтому никакая война эту проблему не решит. До тех пор пока у нас будет нынешняя экономическая система и соответственно обслуживающая ее политическая, социальная система... В данном случае, при всем моем не совсем боголепном отношении к идеям социализма, естественно, Маркс в этом отношении абсолютно прав – экономика стоит во главе всего. Поэтому, до тех пор, пока мы не решим вот эту проблему, внутреннюю проблему с нашей экономикой, с нашей способностью справляться с трудностью внешними и внутренними – до тех пор никакие войны для нас никакой роли играть не будут. Мы все равно будем продолжать деградировать, потому что мы будем лечить не причину, а последствия. Причина только в одном, то что сегодня Россия является, как это принято говорить, сырьевым придатком, сырьевой колонией Запада. И в общем-то именно на эту роль наша номенклатура еще в 90-е годы наша номенклатура вполне сознательно согласилась, для того чтобы легализовать и приумножить свои личные капиталы, которые она совершенно спокойно обменяла на суверенитет страны. То есть, к сожалению, проблема остается прежней. Сирия нам ничем не поможет в этом смысле. И я достаточно скептически к этой войне на сегодняшний момент отношусь.

Игорь Стрелков: Я хочу добавить, что в Сирии мы воюем на остатках Советских заделов. Ничего принципиально нового в Сирии не используется.

Максим Калашников: Даже если учесть, что Су-34 «Утенок» – это на самом деле модернизированный глубоко Су-27.

Игорь Стрелков: Я имею ввиду даже хотя бы состав тех подразделений которые воюют. Соединенные Штаты сейчас используют больше 1000, насколько я знаю, беспилотных аппаратов, в том числе сотни ударных. То есть, они не рискуя людьми, могут спокойно себе позволить наносить мощные авиационные удары сотнями единиц дронов, сотнями боевых дронов. У нас боевых дронов нет вообще.

Максим Калашников: Ударных дронов ни одного.

Игорь Стрелков: Нет вообще. Да и разведывательная беспилотная авиация – очень слабо.

Максим Калашников: Хотя Китай показал 2 сентября, по радио дроны с ракетами. То есть, они уже делают.

Игорь Стрелков: Я знаю, что у нас разработаны боевые дроны. У нас разработаны разведывательные дроны. У нас много что разработано, но все это остается на уровне опытных экземпляров.

Максим Калашников: Но главный вопрос. Анатолий, простите.

Эль Мюрид: Если можно, я перебыю. Дело в том, что с дронами ведь ситуация еще хуже. То есть, пока мы обсуждаем, нужны ли нам ударные беспилотники, американцы перешли уже к экспериментам со стаями беспилотников. Это совершенно другой уровень. То есть, когда один оператор может управлять целой группой ударных, разведывательных и прочих беспилотных аппаратов. Это качественных скачек. И в этом отношении, в этом компоненте, американцы конечно же нас уже давным-давно обогнали. И к сожалению мы продолжаем отставать.

Игорь Стрелков: Ну, фактически мы скатываемся, как смеются над тапочниками. Да? Исламских боевиков называют «тапочниками», в принципе Россия скатывается, не продвигается к тем, кто воюет против этих «тапочников», а скатывается на уровень войны вот этих «тапочников». То есть, штурмовые атаки силами наемников за 120 000 – это уровень «тапочника». Только единственное, что «тапочники» могут легко пополнять любые свои потери. Через 15 минут после того как они понесены. А у нас тут за наемниками гоняются, назвали их добровольцами, гоняются с сетью.

Максим Калашников: Я хочу просто дополнить, что и стой и с другой стороны – одно и то же оружие, советское. Да? Конечно, применили крылатые ракеты типа «калибр» Club по НАТО–вской классификации. Ну единственное, что показать.

Игорь Стрелков: Ну это же опять – это советские ракеты.

Максим Калашников: 83-й год КБ – новатор, безусловно. Вот. Я хочу Анатолию специально сказать, что эксперименты со стаями в России начались в 2005 году, но не были поддержаны. Мы бы первыми создали стаю. И я естественно, согласен, что если бы Российская Федерация вложила бы деньги в себя, поднялась бы как новая индустриальная сила, научно-индустриальная, с промышленностью будущего, с транспортом будущего, с городами будущего, с сельским хозяйством будущего – естественно в Европе она бы представляла гораздо больше привлекательную альтернативу, реальную альтернативу, чем Соединенные Штаты. Но пока Россия, действительно углубляется в сырьевую зависимость. Последние годы нашу сырьевую зависимость еще более усугубили. Это видно из статистики.

Игорь Стрелков: Еще один момент, который я хотел бы отметить в данной связи. То, что война требует мобилизации экономики. Нельзя вести серьезную войну даже на одном фронте, не проводя хоть какие-то мобилизационные меры. Даже убогая Украина, она для меня всегда была и останется убогой, даже если дадут победить Россию, от этого ее убожество несколько не изменится. Даже убогая Украина провела мобилизационные мероприятия.

Максим Калашников: Она пресекла ненужные расходы, в том числе и нужные.

Игорь Стрелков: Она мобилизовала людей. Она мобилизовала технику, организовала ее ремонт. Я не замечаю никаких мобилизационных мероприятий в промышленности Российской Федерации. Никаких.

Максим Калашников: Меня больше всего поразило, что в Днепропетровске стали выпускать примитивные, но беспилотники.

Я прошу Алексей высказаться, действительно по поводу этого, якобы лидерства.

Алексей Сороковой: Я хотел чуть-чуть вернуться к теме последнего вопроса. Я согласен и с Анатолием и с Игорем Ивановичем. И хочу еще раз их два мнения еще раз напомнить, совместить. То что, Анатолий сказал, что наша страна, к сожалению, фактически является колониальным государством, живущим по колониальным законам, придуманными не нами, а нашими партнерами – с одной стороны. И с другой стороны, то что Игорь Иванович сказал, что как и на Украине или в Европе – или ты не заинтересован в своих государствах, так в общем-то и в России, элиты не заинтересованы в нашем государстве, поскольку они все уже давно прозападные, все свои блага и результаты своего труда имеют за границей, и семьи, и деньги, и прочие вещи.

Максим Калашников: Это положение не меняет.

Алексей Сороковой: Да. Не меняется, да. Но самое главное в этом во всем, что когда Владимир Владимирович Путин в 2000-м году стал президентом, и у него появилась идея работы с Центральным банком и изменение его статуса, вроде бы шаг правильный в сторону суверенитета страны, по-крайне мере попытка экономического суверенитета добиться – это шаг был моментально заблокирован нашей продвинутой Государственной Думой. И после этого, таких шагов не делалось видимых. И даже идейно нигде не высказывалось о том, что мы что-то хотим построить. У нас как не было идеологии в плане понимания...

Максим Калашников: И плана развития страны.

Алексей Сороковой: И плана развития страны, так ее и не появилось за все 15 лет.

Игорь Стрелков: Максим, разрешите, у меня мысль интересная возникла. Метафора. Я поверю в то, что Россия может перевытянуть Европу из под Соединенных Штатов и стать главой коалиции тогда, когда узнаю, что Меркель приобрела себе дачу в Крыму, а Олланд зарегистрировал свою яхту в Сочи.

Максим Калашников: А я, Игорь Иванович, поверю, что Россия станет мировым лидером, когда она наконец поменяет правительство Медведева, примет закон о...

Игорь Стрелков: Ну у нас позавчера...

Максим Калашников: То есть, получается совершенно приличная ситуация. Нам рассказывают, что все – разорваны цепи мирового империализма, мы в Сирию ворвались, добились мировой победы – Россия сильная держава! Но поменяйте правительство Медведева. Мы не можем оказываемся. И законов некоторых принять не можем. И очистить эти системно-либеральные штабы.

Игорь Стрелков: Будем прямо говорить, война в Сирии согласована с Соединенными Штатами. Если все сказки по поводу того, что мы влезли в Сирию вопреки Соединенным Штатам и Западу – это откровенная чушь. Все это сделано с санкцией Запада, по согласованию с ним. И более того, Запад в любой момент, вот просто в любой щелчком пальцев просто прекратить нашу операцию, просто перекрыв (1:05:08). Все.

Максим Калашников: Или предприняв некоторые экономические шаги.

Вот мы подошли к заключительной части нашей передачи, нашего круглого стола. В чем же реальная цель этой войны. Но мы уже фактически ответили. Что этой война, которая прикрывает полный провал Новороссии, практически полный. Войну изрядной долей отравленную предательством. Она прикрывает провал в социально-экономическом курсе Кремля, индустриализации страны, то что сейчас происходит вообще в экономике, то что мы нищаем. Да – это театр. Да, Игорь Иванович сказал совершенно правильно, Штаты только делают вид, что они против этой войны. Они наоборот хлопают пробками от шампанского и радуются – русские дураки, влезли в ненужную войну. Элита, антinationальная элита втолкнула...

Алексей Сороковой: Что сказал Трамп? Он же сказал, что русские лезут в Сирию, давайте дадим из возможность там повоевать. Это же его было выступление, когда...

Игорь Стрелков: Да. Причем, у нас его подают как друга России. Фактически.

Максим Калашников: А ведь он фактически как Труман – давайте помогать то немцам, то русским, пусть они друг друга убивают. В 41-м году. Устами Трампа говорит настоящий лидер, Обама таким не является и их правителем.

Но друзья мои, я все таки не могу не затронуть одну тему. Почему это происходит. Вот давайте коротко, хотя бы коротко и емко и зло ответим. Можем быть зло с моей стороны. Почему, когда нужно было, когда погибали Осетины, Российская Федерация пришла на помощь в 2008 году, поддержала Южную Осетию, бросили экономическую помощь. Когда Асад попросил как законный правитель Сирийско-арабской республики – ему дали ВВС, ему бросили помощь. Когда законный еще лидер, легитимный представитель Украины Янукович попросил об аналогичном шаге, он еще не знал о Сирии, конечно – но отказали. Что

это? Антирусскость? Я очень уважаю Советский Союз, но вот эта антирусскость – не смог изжить до конца, встроенную в эту идеологию. С моей точки зрения Российская власть она эту антирусскость довела до предела. То есть русский это тяговое быдло, которое... Осети-нам мы поможем, сирийцам поможем, а русские потерпят.

Вот давайте попробуем.

Алексей Сороковой: Мы терпеливая нация.

Максим Калашников: Да. Может быть, мы попросим Анатолия высказаться по этому поводу?

Эль Мюрид: Ну я уже сказал, честно говоря о том что операция в Сирии не имеет под собой никакой стратегической цели. Она, безусловно, является пиар-акцией. Настоящая цель этой пиар-акции естественно понятна только тем людям, которые ее спланировали, заказали, спроектировали. Мы можем только предполагать. Вполне возможно, что речь идет именно о том, чтобы прикрыть провал в Новороссии. Вполне возможно, что речь идет, чтобы прикрыть провал в экономике, подправить рейтинг тому лицу, которое прямо скажем, выглядит очень сильно нарисованным.

Понятно, что любая война – это всегда чисто психологически способствует тому что народ, нация спланивается вокруг лидера. Так что у этой войны, на мой взгляд, нет никаких других целей, кроме исключительно медийных.

Максим Калашников: Но когда медийщина правит жизнью, Анатолий – это плохо кончается, в конце концов.

Эль Мюрид: Плохо заканчивается, конечно, но с другой стороны у нас вся политика заменена политтехнологией. Несмотря на то, что у Игорь Ивановича, товарищ Сурков является просто каким-то демоном, на самом деле это действительно так. Именно политтехнология, как не странно, рулит всей политикой Российской. Все делается исключительно на телевидении.

Игорь Стрелков: Заметьте, не я это сказал.

Эль Мюрид: И людей приучили уже к тому, что жизнь за пределами телевизора как таковая отсутствует. И поэтому, переключением тем на ток шоу можно очень легко добиться того, что люди попросту начинают забывать о каких-то другие проблемах. Мы же видим сами, что украинская тема полностью исчезла, ну процентов на 90, по сравнению с тем что было еще полгода, год назад.

Максим Калашников: Ну это переключение внимания, Анатолий.

Эль Мюрид: Теперь нам впаривают, уж извините за это слово, сирийскую тему. Когда потребуется, нам точно таким же образом вкладывать в голову все что угодно. Эти манипуляции, они к сожалению, заменяют реальную политику. И закончится все это плохо, конечно. Что делать?

Алексей Сороковой: А с другой стороны, при все при том, что у Путина и рейтинг высокий и, Анатолий сейчас говорит, чтобы его подправить... Нарисованный, не нарисованный – это не важно. Я не думаю, что кто-то сейчас в студии видит другого лидера в стране, кроме Путина. Другой вопрос, чтобы Путин видел народ и слышал потребности в текущих изменениях, которые уже в стране созрели. И отдавал себе отчет и видел желание у народа, чтобы страна стала все-таки немножечко сувереннее, чем она задумывалась.

Игорь Стрелков: Хотя бы так, как он сам заявил.

Алексей Сороковой: Хотя бы как заявил. А во-вторых, чтобы была видна наглядно его политика по ту сторону, внутренняя политика. Внешняя политика – это одна ситуация, одна сторона медали, одна часть его работы, согласно нашей конституции. Но ведь и внутренняя политика не менее важна. Для нас она наверное более важна, чем внешняя, потому что мы здесь живем, в этой стране, как говорят наши либералы. Вот, а мы хотели бы говорить, что мы в нашей стране живем, а не в их.

Игорь Стрелков: Я могу только добавить, что конечно, мы должны четко сказать, что за последний год, может быть даже больше, может быть даже начиная с весны 14-го года, с момента признания Петра Алексеевича лучшим выбором Украины и дорогим партнером – мы наблюдаем откат от патриотической риторики. И самое главное, даже не от риторики, практических действий в сторону восстановления суверенитета страны. Мы можем, я думаю, четко сказать, что намеченный с присоединением Крыма суверенитет – он просто закрыт. Этот тренд прекращен. И болен того, сейчас Россия на словах, продолжая в средствах массовой информации трещать о восстановлении независимости, противостояние с Западом реально стремиться заглядеть на международной арене, в следствии своего неконтролируемого прыжка в Крым. Фактически мы можем говорить о том, что президент и Российская элита, которая возглавляет просто испугались, трусили собственной храбрости и отступают. Отступают перед Задом. И идут, твердо встали на тот же путь, по которому прошли многие, другие люди, которые реально противостояли Западу, которые были Западом уничтожены – Милошевич, Саддам, Каддафи.

Алексей Сороковой: А при этом еще вопрос, что народ то стоит в позиции, как в известном фильме – ты наиграй, а мы подпоем. И все никак не слышат со стороны президента вот этой вот мелодии суверенной России, большой и мощной державы.

Максим Калашников: Ну что же друзья мои, мы, в общем-то, с вами обсудили все. Я хочу добавить, что мы знаем правителей, которые увлекались внешними эффектными внешнеполитическими военными акциями, забывая о том, что страна не развивается, она отстает. Это Николай I, которой сколько он совершал этих акций, но Крымская война была проиграна и стоила ему жизни. Он, говорят, ушел из жизни – не хотел видеть поражения страны, позорного. Пусть оно было не решающее, но неприятное для русского престижа.

Мы знаем Наполеона III, который действительно развивал Францию больше в финансовом плане, а не в промышленном. Но при этом он воевал. Он взял Вьетнам нынешний, Аннам и Кахенхиму, воевал в Италии. Но главную войну, Франко-Прусскую он проиграл, потому что Франция была отсталой, оказалась отсталой в 1870 году. Мы здесь тоже можем попасть в то же положение, в конце концов время идет очень быстро. Сейчас Запад уходит в отрыв и научно-техническим направлением мы действительно попадаем в положение сходное с тем...

Игорь Стрелков: И самое главное, что не смотря на все наши отступления и все наши попытки каким-то образом с Западом договориться, в частности, если уж не получается договориться о главном, мы оказываемся в растущей международной изоляции. Потому что страны, которые не имеют собственной международной политики – никто никогда не будет поддерживать. Никто никогда не станет с ними заключать союзные договора, устанавливать твердые союзнические отношения. Никто никогда не пойдет под их высокую руку, как принято говорить, потому что в мире уважают слабых, решительных.

Максим Калашников: Сильных.

Игорь Стрелков: Сильных.

Алексей Сороковой: А нужно-то всего, на самом деле, совсем немного. Надо подправить наш экономический суверенитет, принять идеологию.

Максим Калашников: Совсем немного.

Алексей Сороковой: Которая была бы понятна людям.

Максим Калашников: И действовать, действовать в этом направлении.

Игорь Стрелков: Хотя бы начать что-то надо. А не топтаться на месте. Не разрываться между патриотической риторикой и либеральной практикой.

Максим Калашников: Вот. Так мы приходим к выводу, что на самом деле эта война прикрывает страх и смятение самих российских верхов. Они не знают что делать и пытаются

выехать на этом шоу, этом пиаре. И замирился с Западом, заработать прощение за Крым. Это очевидно.

Игорь Стрелков: При этом еще восстановить, убив одновременно трех зайцев одним выстрелом – восстановить поддержку населения, убедив его, что мы продолжаем двигаться к суверенитету великой России.

Максим Калашников: Анатолий, Ваше заключительное слово?

Эль Мюрид: Да, собственно говоря, чего тут говорить и так понятно. То есть, то что касается Сирии. Война очень странная, война непонятная, война без цели. И по правде говоря, она еще аукнется нам, судя по всему. Новороссия, опять же все понятно, тут говорить бессмысленно.

Максим Калашников: Спасибо за заголовок – «Странная война».

Эль Мюрид: Все упирается в нашу внутреннюю политику. До тех пор пока мы ее не изменим, и не переделаем – все внешние шаги не имеют никакого значения.

Максим Калашников: Ну что же друзья мои, вы наверное теперь сами многое уже поняли, что это странная война. И чем она кончится? К сожалению, дальнейший прогноз наталкивается на некие противоречия с уголовным кодексом. Завершаем дозволенные речи. Достаточно. Спасибо, друзья мои, за участие в передаче.

До следующих встреч, дорогие друзья!

Кто и как загнал РФ в Сирию?

Максим Калашников: Добрый день, дорогие друзья!

Сегодня у нас очень интересная передача. Экспертами нашими выступит лидер движения «Новороссия» Игорь Стрелков и академик РАН Сергей Юрьевич Глазьев. А темой нашей будет – Кто же загнал русских воевать в Сирию? И главное, каким образом?

Итак, война в Сирии. Можно ли ее считать вторым изданием Афганской компании? Вопрос ведь на самом деле очень важный. Как известно, тот Афганистан был гигантской ошибкой Советского Союза. Которая привела, во-первых, к разложению советского общества, истощению сил Советского Союза, к столкновению Советского Союза с миром ислама. И, в общем-то, тогда, Советский Союз, вторгшись в Афганистан, работал на тогдашних своих врагов, в первой холодной войне, на хозяев Соединенных Штатов. Мы теперь уже знаем, что к вводу Советских войск в Афганистан в декабре 79-го подтолкнул тогдашний шеф КГБ Юрий Андропов, который устроил настоящую истерику. Он приводил совершенно бредовые аргументы, что вот в Турции был создан Халифат. Что американцы в уже воюющий расколотый Афганистан введут ракеты средней дальности с ядерными зарядами, возьмут под прицел Байконур. Ну и прочую-прочую ерунду. Но, тем не менее, ввод войск состоялся, и последовали трагические события, которые стали прологом к крушению Советского Союза.

У меня есть личные воспоминания. В 80-м году я читал замечательную книгу «Победные трубы Майванда» об экспедиции англичан в Афганистан в 1879 году, очень тяжелой экспедиции. Которая формально была победой, но привела к очень тяжелым жертвам. Кстати, во время той экспедиции, англичане заживо любили в Кабуле жгли, вот как нынешние деятели ИГИЛ. Тем не менее, вот тогда в 80-м, у меня и было предчувствие, что Афганистан кончится очень плохо. Ведь прогноз-то оправдался. Все пошло по самому трагическому сценарию, принесло много вреда для нас.

А что же теперь Сирия? Возможно ли, что гораздо слабая чем Советский Союз Российская Федерация превратит войну в Сирии в нечто победоносное? Ну, хотя бы в подобие Чечни?

Игорь Стрелков: Давайте просто рассуждать логически. Отбросим штампы, которые средства массовой информации у нас активно муссируются. Отбросим ура-патриотическую пропаганду немного в сторону. Именно ура-патриотическую. Включим здравый смысл.

Давайте вспомним Афганистан. Огромная горная страна. Кстати, не только горная, там и пустынь хватало, относительно густо населенная. Огромный Советский Союз, имевший с Афганистаном общую границу, налаженные средства коммуникации, многолетний опыт взаимодействия и обучения Афганской армии, офицеров Афганской армии. Большой советский контингент в течении 10 лет вел войну в Афганистане против моджахедов, поддерживаемыми Соединенными Штатами и Пакистаном в качестве ближайшего тыла. Войну эту выиграть не удалось. Да, проиграна в чистом виде она не была. Но выиграть мы тоже не смогли. Почему?

Два основных момента. Первое. Значительная часть населения, может быть не большая но значительная часть населения – являлась противником того режима, который мы поддерживали и в частности российских войск, которые считали оккупантами. (4:14) с исламом.

Вторая – невозможность перекрыть границу от постоянного потока вооружения, пополнений, инструкторов для ротации тех отрядов, которые базировались на территории Афганистана, потом уходили отдыхать в Пакистан. Ротация шла постоянно. То есть, полностью перекрыть границу мы не могли.

Поэтому, не смотря на все могущество Советского Союза, не смотря на весь тот огромный контингент – 100 000-ая армия... Если не ошибаюсь, до 100 000 доходил контингент. Но здесь я не специалист, могу ошибаться. Но то, что там Афганистан бомбили не один авиаполк, а авиадивизии. Там действовали десантно-штурмовые бригады в полном составе, а не отдельные батальоны. Огромная группировка была, мощнейшая. Все равно победить не могли.

Могли очистить на время какую-то территорию, которую передавали потом под контроль афганской армии Царандой и через какой-то время боевики, либо выбивали Царандой, либо блокировали. Но, во всяком случае, хотя бы частично возвращали территорию. А были территории, которые вообще на протяжении всей войны оставались полностью неподконтрольными центральным властям афганской армии и никогда не были заняты Советскими войсками. То же Панджшерское ущелье. Там проводились операции, но закрепиться там не удавалось.

Теперь возьмем Сирию. 4 года идет война. 4 года назад армия Асада, которая была многоконфессиональной, то есть там служили все представители всех национальных групп и религиозных концессий, была вдвое сильнее чем сейчас. Это была действительно мощная, по ближневосточным меркам армия, строившаяся для полноценной войны против очень мощной армии Израиля.

Сейчас, спустя 4 года, эта армия по численности вдвое меньше, регулярная имеется в виду. Потеряно две трети территории страны. Потеряно примерно половина населения. Там могут цифры разниться, но в данном случае это не принципиально. Потерян ряд крупнейших городов, в том числе целиком потерян второй по величине город страны Эр-Ракка, который стал столицей исламистов. Нет сплошной линии фронта. Большая часть пустынных территорий, то есть, наиболее удобных для регулярных военных действий сейчас неподконтрольна правительству. И боевые действия сейчас идут в основном в городских районах Дамаска, Алеппо и в горной местности. Ватаки – это горы, пусть это не Памир, не Тянь-Шань, но это горы. Такие же как в Крыму, как минимум, по высоте и по пересеченности.

Сейчас мы ввели туда контингент в составе авиационной группы прикрытия, защиты, но и, если можно так выразиться, частных военных компаний. Причем, последнее время поступает информация о том, что они, возможно будут выведены. Но пока я не могу на этот счет ничего говорить. Я вообще не считаю себя компетентным в данном случае говорить об этом. Они туда были введены, по крайней мере.

Общая численность этой группировки не составляла и одной десятой, не составляет и, наверное, не будет составлять, одной десятой от того, что имел Советский Союз в Афганистане. Да, Сирия, конечно, не Афганистан по территории, но это довольно большая страна, намного больше Чечни, которую можно было насквозь проехать с Запада на Восток по равнине в течении двух с половиной часов.

Максим Калашников: Таким образом, дорогие телезрители, Москва уже бросает экспедиционную группировку своих войск в настоящую трясиину, вот в такое вот болото, в месиво. А вообще, если ли надежда спасти власть Асада?

Игорь Стрелков: Асад всегда опирался на наиболее надежное алавитское меньшинство – 10–15 % населения по разным оценкам, которое его всегда поддерживало, поскольку он выходец из этого меньшинства. Опирался на христиан, армян, друзов. Большая часть населения, по разным опять же оценкам, даются не менее 60 % – это сунниты и арабы. Есть еще сунниты курды, которые тоже Асада очень не любят. Да, они сейчас на данный момент против него не воюют. Но именно сейчас. В начале этой войны курды воевали против Асада. Но сейчас у них есть более серьезный, более опасный противник – арабы сунниты исламисты, которые воюют против курдов. И поэтому в отношении к Асаду, курды сейчас соблюдают вооруженный нейтралитет. Союзниками Асада курды не являются. Оценивая ситуацию в

самом лагере Асада – там тоже все не очень просто. Если алавиты традиционно служили в армии, это довольно, по местным меркам, воинственный народ, если друзья тоже прирощенные солдаты, то большая часть христиан и армян никогда в вооруженных силах особенно не служило, не любило это дело. Занималось в основном торговлей, туризмом и всем прочим. То есть, надежного контингента для армии Асада эти общины никогда не давали.

Довольно большой контингент в армию поставляли туркоманы. Туркоманы, их по другому еще туркменами называют. Действительно родственный туркменам народ. Это тюркоязычный народ, родственный туркам, в какой-то степени, которой пришел в Сирию в средние века, в эпоху крестовых походов, может быть даже раньше, может быть с турками сельджуками, наверное. И осел на территории Сирии, их по разным оценкам от 1,5 и более миллионов. Арабы их никогда не любили, считали за низшую кость. Тем не менее, туркоманы и сунниты, и туркоманы – один из тех контингентов, которые воюют в ИГИЛ, в других исламистских группировках. На них тоже не смогли опереться.

То есть, мы имеем ситуацию, когда, как минимум, две трети населения категорически против Асада. Да, эти две трети расколота на множество группировок, которые воюют, в том числе, и между собой. В том числе ненавидят друг друга не меньше чем Асада, но они против Асада все.

Максим Калашников: Ну что ж, а теперь давайте попробуем трезво оценить шансы Москвы в нынешней сирийской войне.

Игорь Стрелков: В этой ситуации, что мы стремимся добиться? Как мы можем вообще победить там, если те силы, которые мы предоставили в помощь Асаду, они даже, они способны дать только временный тактический перевес. Да, если сейчас делать каждый день по 200 самолетовылетов то, наверное, можно остановить наступление исламистов где-то на каких-то участках локальное поражение. Причем наносить-то должны именно войска Асада, плюс ударные подразделения Корпуса Стражей Исламской революции, Хезболлы, хазарейских добровольцев из Афганистана, их даже туда притащили иранцы. Но переломить ход военных действий, который был стабильно последние два года – не выгоден для Асада. Не то что невыгоден, а вел Асада к поражению. Не сможем мы переломить ход этих военных действий. Мы можем только дать тактические преимущества, на какое-то время задержать агонию, которая уже была.

Теперь давайте посмотрим задачу, которая сейчас ставится. Сейчас разрекламировано наступление. Но вот месяц идут боевые действия, две недели идет наступление. Да, есть достигнутые определенные тактические подвижки. Где-то 5 деревень взяли, где-то 7, какой-то городок небольшой захватили. 2 или 3 квартала в Алеппах продвинулись, в Джабаре продвинулись, где-то еще продвинулись. Но, не где наступление не завершено, не перешло в оперативный успех. Везде продвижения тактические. Для того, чтобы оценивать это – необязательно находиться на месте. Любой человек, хоть какое-то имеющий отношение к военному делу и знающий его закономерности, развития боевых действий – он может дать эту оценку, просто глядя на карту, на динамику боевых действий. Пока только тактические успехи. Стратегического успеха нет. Возможно, он будет. Возможно, даже удастся освободить, может быть полностью Алеппо, я не исключаю этого. Хотя мало вероятно, я не исключаю. Возможно удастся деблокировать фактически заблокированные из трех сторон Дамаска. Зачистят восточную Гуту или еще что-то. Также, без огромных потерь, только с воздуха не получится. Но стратегически войну переломить – не получится.

Максим Калашников: Но нам все время говорят, что русские не будут входить с Сирию крупными сухопутными силами. Что на самом деле будут воевать иранцы, иранские союзники, вроде движения Хезболла. Они будут пехотой, мы будет только прикрывать с воздуха и руководить, снабжать разведанными. Но, сразу рождается вопрос. Вообще-то, война в Сирии идет с 2011 года. И за 4 минувших года иранцы, а Иран крупное государство, крупная

страна, население – Германия предвоенная, которое очень легко может поставить под ружье миллионную армию. А в Сирию послать 100 000... Почему Иран, со своими боеспособными силами не смог переломить ситуацию в Сирии? Почему не смог сам победить ИГИЛ? Ей понадобилась помощь Российской Федерации?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.